

Рецензии

КАРЛ ЯСПЕРС И ВОПРОС О ВИНОВНОСТИ

*Вопрос о виновности. О политической
ответственности Германии*

КАРЛ ЯСПЕРС

М.: Альпина Паблишер, 2023. – 220 с. – 4000 экз.

Издание (отчасти – переиздание) русского перевода текстов философа Карла Ясперса (1883–1969), посвященных дискуссиям о коллективной вине немецкого народа за преступления нацизма, оказалось как нельзя кстати. Военные конфликты последних лет, сопровождаемые военными преступлениями, преступлениями против человечности, которые порой трактуются как геноцид, вызвали к жизни ожесточенные споры о виновности в происходящем тех или иных народов как таковых, их культуры и даже их языка. Ясперс, который дал оригинальную, глубокую трактовку этой проблемы, читается в данном контексте актуально – и отчасти неожиданно. Именно поэтому рецензию Софии Веретенниковой на недавнее русское издание «Вопроса о виновности. О политической ответственности Германии» мы решили дополнить комментарием философа Анатолия Рясова. [НЗ]

Когда он увидел море, то тотчас его полюбил, а узнав, что существует болото, проникся теплом и к нему. Лишь горы вызывали

НОВЫЕ КНИГИ

у него неприятие. Ребенком чувствовал абсолютную родительскую защиту и потому всегда брал пример с отца. Именно у него мальчик научился мыслить свободно и независимо, судить о вещах самостоятельно, быть честным с самим собой и принимать на себя ответственность. В школьные годы считал себя беспартийным и не желал быть причисленным к какой-либо социальной группе, спорил с учителями и называл дисциплину, насаждаемую директором, военной, из-за чего был в постоянном конфликте со школьным начальством. Своим пристанищем видел университет, в котором, по его мнению, свободы было больше, чем в любом другом месте. «Преподавателя можно уволить, только если он нарушил закон, но не за его мнение!»¹ – такова была его позиция. Когда из Берлина поступило требование поддержать протест против подписания Версальского мирного договора, наш герой счел такой акт невозможным, о чем открыто заявил. В 1937–1945 годах нацистские власти сначала запретили ему преподавать, а затем и публиковаться.

Все перечисленное – моменты из жизни автора рецензируемой книги Карла Теодора Ясперса, немецкого философа, психолога и психиатра, одного из крупнейших мыслителей XX века. Так его характеризуют на обложках многочисленных публикаций его работ. Читатель представляет, насколько неудобным было задавать вопрос такого рода во второй половине 1945 года, но Ясперс все-таки его поставил: справедливо ли бремя коллективной ответственности, возложенной на немецкий народ после завершения войны? Наболевшая тема, которая раньше обсуждалась в кругу близких людей, поздней осенью 1945-го впервые была вынесена в публичное простран-

во: о ней начали говорить в лекционной аудитории Гейдельбергского университета. Центральные тезисы того, что позже превратилось в трактат «Вопрос о виновности», были изложены в лекциях, прочитанных зимой 1945–1946 года. Попытка начать открыто рассуждать о духовной ситуации в послевоенной Германии, пусть и не сразу, но была оценена. Работа вызвала резонанс во всем мире, в том числе она не раз издавалась по-русски².

В момент, когда идет Нюрнбергский процесс над нацистскими преступниками, еще вчера «героями Германии», Ясперс произносит слова, дарящие надежду и облегчение – но тут же их и отбирающие. Более того, порой дело только этим не ограничивается: многие крайне возмущены рассуждениями философа. Ясперс говорит о необходимости начать, наконец, открыто дискутировать о тех вещах, которые шепотом обсуждаются почти на каждой немецкой кухне. Объясняет, как важно для немцев разобраться в себе, чтобы вернуть то, что именуется им «народным единством». Просит слушать и слышать друг друга. Призывает отказаться от скоропалительных вердиктов и верить не чувствам, а фактам. Позже, завершая введение в цикл своих лекций, он напишет:

«Когда мы будем говорить о типичном, никто не должен относить себя к той или иной категории. Кто все примет на свой счет, тот пусть сам за это и отвечает» (с. 31).

Ясперс не юрист, и это сразу бросается в глаза, когда читаешь текст. Открывая книгу с подобным названием, предполагаешь, что речь пойдет о гражданах Германии. Но после прочтения уже первой главы понимаешь, что он пишет об ответственности

1 Я опираюсь здесь на материалы документального фильма «Карл Ясперс – автопортрет» («Karl Jaspers – ein Selbstportrat»), снятого режиссером Ханнесом Рейнхартом в 1968 году (<https://youtu.be/8a3ufmtvsvo?si=f1f8ntcexjpsxorx>).

2 Впервые работа в переводе Соломона Апта была опубликована в России в 1999 году. Этот же перевод воспроизводится и в обозреваемом издании.

не только немцев, но всех, кто хоть как-то связан с немецкой культурой – в первую очередь, с немецким языком. Позже, когда перед читателем возникают контуры практикуемого Ясперсом экзистенциального подхода, становится ясно, что поверхностным разбирательством относительно вины немцев в той тотальной катастрофе, которой стала завершившаяся война, намерения автора не ограничатся.

Подступаясь к проблеме, он заявляет, что объективного разговора не получится, если не разграничить понятие виновности на уголовную, политическую, моральную и метафизическую.

Мыслитель не уделяет большого внимания определению вины в уголовном смысле; он пишет лишь, что в подобных вещах решающей инстанцией выступает суд, а ответственность возникает из объективно доказуемых деяний, нарушающих закон. Впрочем, Ясперс не считает такой способ привлечения к ответственности по-настоящему эффективным. Что касается политической вины, то под ней он понимает ответственность граждан за действия правительства своей страны. Инстанцией в данном случае является власть. Моральная ответственность наступает всякий раз, когда человек совершает этически значимое действие, причем независимо от того, по чьей воле оно делается. Даже если к пагубным последствиям привел чужой приказ, каждое отдельное лицо должно осознавать, что решение исполнить (или нарушить) его принималось человеком самостоятельно. Ключевой инстанцией здесь оказывается совесть. Наконец, метафизическая ответственность предстает своего рода моральной виновностью, возведенной в квадрат. Когда дело касается метафизики, ответственность налагается уже за то, что человеку было известно о творимом зле, но он ничего не сделал, чтобы его предотвратить. И вот тут судящей инстанцией философ считает одного лишь бога, поскольку

в равнодушии видит исключительно проявление человеческой природы: иначе говоря, человек виноват уже в том, что он человек. Говорится об этом так:

«Остается стыд от чего-то всегда присутствующего, не имеющего конкретного обозначения и определимого разве лишь в самых общих чертах» (с. 48).

Осознание метафизической ответственности, таким образом, идет через переживание стыда за собственную человеческую небезупречность. Ясперс разграничивает перечисленные виды виновности, желая уйти от пустого разглагольствования на тему войны. Доказывая субъективность уголовной, моральной и метафизической вины, он, с одной стороны, позволяет немцам выдохнуть – ибо «не может существовать (кроме политической ответственности) коллективной ответственности народа или группы внутри народов» (с. 67), – а с другой стороны, все-таки признает за ними коллективную вину.

Обращаясь непосредственно к Нюрнбергскому процессу, немецкий философ пытается оценить ситуацию со стороны как победителей, так и побежденных. В целом он согласен с трибуналом, но скептичен относительно некоторых примененных им процессуальных практик. Для него абсолютно неприемлемо смешение всех перечисленных выше типов вины в одном обвинительном массиве и предъявление этой «смеси» подсудимому. «Моральные и метафизические упреки как средство достижения политических целей должны быть отвергнуты», – пишет он в разделе, посвященном защите (с. 74). Нюрнбергский процесс, в понимании Ясперса, должен был ограничиться исключительно юридическими нормами, позволяющими подвергнуть подсудимых уголовной и политической ответственности, но никак не вменять людям моральную вину и отсутствие нравственного стыда. Нюрнберг же, по его мнению,

привел к тому, что немцев стали осуждать как народ в целом, не разграничивая вину на категории, что вылилось в своего рода тоталитаризм судящих:

«На немцев, кем бы немец ни был, смотрят сегодня в мире как на кого-то, с кем лучше не иметь дела. Немецкие евреи за границей нежелательны как немцы и считаются, по существу, немцами, не евреями» (с. 133).

Причиной подобных эксцессов, по мнению немецкого философа, выступает сама привычка мыслить в коллективистской модальности.

Далее читателям предлагается другой, не менее важный вопрос: а есть ли вообще смысл говорить о справедливости применительно к такому процессу, как Нюрнбергский? Какая, в конце концов, разница, о справедливом или несправедливом суде идет речь, когда победители судят побежденных? Согласно Ясперсу, смысл Нюрнбергского процесса был в другом: это грандиозное действие послужило провозвестием зарождающегося мирового порядка, в котором найдется место и для обновленной Германии, пусть и не сразу. Чтобы обеспечить это, немцам необходимо было принять на себя политическую ответственность в ипостаси *национального* сообщества и моральную ответственность в качестве *человеческого* сообщества. Немецкий философ считал категорически неправильным ограничиваться исключительно политическими проявлениями ответственности: он не видел будущего Германии без морального очищения немецкого народа, которое требовало чего-то большего, нежели просто разговор о справедливости.

Ясперс указывает на трудности, справиться с которыми без помощи извне немецкому народу, оказавшемуся под ярмом нацистов, было не под силу. «Требовать, чтобы население государства бунтовало и против террористического государства – значит требовать невозможного», – заме-

чает он (с. 146). Признавая коллективную политическую вину за немцами, он говорит также о необходимости возложить часть политической вины и на страны, одержавшие верх в Первой мировой войне:

«Англия, Франция, Америка были державами, победившими в 1918 году. От них, а не от побежденных зависел ход мировой истории. [...] Победителю не положено замыкаться в своей узкой сфере, у него есть власть, чтобы предотвратить событие, сулящее пагубные последствия. Неупотребление этой власти – политическая вина того, кто обладает ею» (с. 159).

Те государства, которые признали гитлеровский режим, тоже несут политическую ответственность. Упомянув о роли других держав, философ стремится не преуменьшить собственную вину немцев, а лишь создать предпосылки для более объективной и честной оценки ситуации.

Большое значение как для трактата, так и для самого Ясперса имеет послесловие, написанное в 1963 году. Семнадцать лет спустя, будучи гражданином уже не Германии, а Швейцарии, он прилагает к статье «Вопрос о виновности» текст, который едва ли может претендовать на то, чтобы называться отдельной главой. Однако содержание этих нескольких страниц не только в полной мере передает мотивы написания всего эссе, но и дополняет его новой философской аргументацией. Согласно Ясперсу, он долгие годы не мог отделаться от мысли, будто Нюрнбергский процесс, несмотря на свою юридическую безупречность, не был настоящим процессом и носил по большей части лишь показательный характер: «Не было учреждено право, а было усилено недоверие к праву. Разочарование при таком величии замысла убийственно» (с. 217). По этой причине этот суд едва ли смог заложить фундамент нового международного права: ведь спокойствие в послевоенном мире зиждется на законах, соблюдение которых является обязательным главным

образом для великих держав. Послесловие – и, соответственно, все эссе – Ясперс завершает пассажем, который есть смысл привести целиком:

«Само это спокойствие, гарантированное законом по воле великих держав, которые сами подчиняются этому закону, нуждается в одной предпосылке. Оно не возникнет просто из таких мотивов, как безопасность и освобождение от страха. Оно должно постоянно воссоздаваться со все новым и новым риском для свободы. Длительное ощущение этого спокойствия предполагает духовно-нравственную, полную высокого достоинства жизнь» (с. 218).

Выбранная автором форма эссе является, по-видимому, единственно подходящей для передачи смыслов, вкладываемых им в это фундаментальное сочинение. Воспроизводит ли новое русскоязычное издание ту самую, задуманную Ясперсом, идеальную форму? Это большой вопрос, ведь в процессе труда над изданием чужой книги порой появляется желание взять в руки перо и приписать еще что-нибудь от себя. Работа над старыми текстами может показаться скучной и лишенной творчества, однако дело обстоит совершенно иначе: все зависит от цели, которую ставит перед собой команда, готовящая очередное издание. И тут исключительно важно, чтобы эта цель, пусть даже сама благая и злободневная, не искажала изначального авторского замысла. В процессе чтения мне не раз казалось, что создатели обзриваемого здесь книжного проекта выбрали именно такой путь. В результате книга оказалась экипированной невероятным количеством «фонарей», занимающих одну пятую(!) всего ее объема. Понятно, почему это было сделано, но согласиться с такими полемическими приемами все равно трудно.

София ВЕРЕТЕННИКОВА

К ВОПРОСУ О ВИНОВНОСТИ

Среди четырех понятий виновности, в свое время предложенных Карлом Ясперсом в разговоре об ответственности Германии после Второй мировой войны, куда более многосложными оказываются не уголовная (определяемая судом) и политическая (по сути, она выступает как априорная и характеризуется принадлежностью граждан к государству, обвиняемому в преступлениях), а моральная и метафизическая. Первая из них связана прежде всего с личной или семейной ответственностью, а вторая касается проблемы (не)возможности солидаризироваться в вопросе о (не)справедливости с более широкой общностью людей.

Несмотря на всю проблематичность этого разграничения, нельзя сказать, что оно не имеет никаких оснований. И в случае моральной или метафизической виновности дополнительную напряженность порождает осознание того, что она в некотором смысле оказывается неискупимой. Включение вопросов морали и метафизики в уголовно-политическое поле развернет их согласно той же тривиальной логике противостояния прокурора и подзащитного, но в этом случае мы будем иметь дело с подменой понятий или как минимум с их упрощением. Напротив, куда менее ясными они оказываются при смещении акцента с внешних инстанций обвинения на чувство вины. В этом случае виновность способна открыться как внутреннее воле-ние, которое Кант называл основанием этического поступка.

Одной из точек отсчета здесь оказывается ситуация, в которой власть существенно расширяет возможности привлечения к уголовной ответственности за высказывания. В этом случае моральную виновность начинает определять компромисс, при котором несогласный с политикой государства, пусть даже внутренне противостоя ей,

все же вынужден делать вид, что согласен с ней. Это выражается в поддержке власти если не действиями, то как минимум высказываниями. Поддержка может маскироваться под форму особого мнения в духе «согласен, хотя и не во всем» и тем самым оказывать на высказывающегося успокоительный эффект, способный избавить от гнетущего чувства вины как якобы ложного. Но именно этот выбор достаточно четко определяет момент перехода определенной границы.

От позиции артикулированного согласия существенно отличается так называемая внутренняя эмиграция, основным условием погружения в которую является молчание. Его ошибочно уравнивать с одобрением власти или расценивать исключительно как расчетливое выжидание (хотя это не значит, что оно не может являться таковым). В контексте разговора о чувстве вины молчание оказывается свидетельством невозможности согласия. Но это положение, в котором несогласие с действующей политикой остается никак не артикулированным, разумеется, сложно определить как благополучное. В фильме Терренса Малика «Тайная жизнь» («A Hidden Life», 2017), в основу которого легли реальные события, простая юридическая формальность способна спасти героя от смерти, но, несмотря на это, его молчание преобразуется в отказ присягнуть «третьему рейху». В каком-то смысле этот выбор оказывается больше человека, и, однако, он всецело принадлежит ему, не объясняясь лишь религиозными убеждениями.

Дополнительным генератором самообвинений становится взаимодействие с так называемыми родными и близкими, считающимися необходимым выразить (искреннее или лицемерное) согласие с политикой государства. Выбор между радикальным разрывом общения и необходимостью солидаризироваться снова оказывается ложным упрощением как минимум в силу того, что

в этом кругу могут присутствовать, например, дети или близкие к состоянию деменции старики. Однако и во многих других случаях на невозможность принятия точки зрения другого здесь может накладываться чувство ответственности за него.

Итак, люди оказываются разделены на тех, кто чувствует неконтролируемую боль, и на тех, кто ее не чувствует. В некотором смысле круг близких знакомых может быть расширен до пределов метафизической категории народа. И проблема заключается даже не в невозможности отречься от принадлежности к этой социально-исторической общности, а во взаимоналожении двух несовпадающих взглядов. Чудовищные (как правило, еще и в своей тотальной неосмысленности и противоречивости) высказывания соотечественников вызывают агрессивное неприятие, но одновременно они лишь иллюстрируют принцип функционирования идеологии. А поскольку механизм предъявления взыскания в этом случае оказывается предельно неясным, стратегия прокурора также имеет все шансы превратиться в идеологический инструмент обвиняющей стороны (а чаще всего – уже им является). Но подобные апории и порождают метафизическую виновность, независимую от логики обвинения.

Эта генеалогия вины может быть существенным образом расширена, но даже в столь схематичном виде она способна напомнить взаимоотношения с неврозом. Перед нами нечто близкое к состоянию меланхолии (как определял его не Ясперс, а Фрейд): вопреки здравому смыслу субъект то ли ощущает невозможность признать утрату, то ли осознает, что утратил некий идеал, которым никогда по-настоящему не обладал. И проблема здесь заключается не в поиске возможности исцеления от невроза, а в необходимости научиться жить с ним.

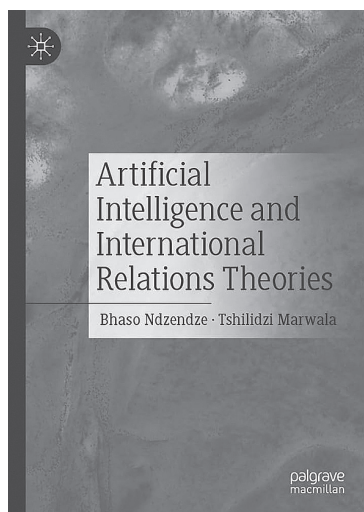
Анатолий Рясков

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Artificial Intelligence and International Relations Theories

BHASO NDZENDZE, TSHILIDZI MARWALA
Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. – 165 p.

Принято считать, что базовая цель, вдохновляющая науку о международных отношениях, заключается в том, чтобы помочь человечеству наиболее оптимальным образом сбалансировать войну и мир. Все теоретические искания, касающиеся этой области, так или иначе выходят на указанную тему. Несмотря на то, что теория международных отношений остается сравнительно новой областью социального знания, ее корни уходят глубоко в историю, поскольку многие ключевые для нее концепты можно обнаружить уже у Томаса Гоббса, Джона Локка, Жан-Жака Руссо и других классиков. Сказанное, однако, ничуть не мешает теоретическому знанию откликаться на запросы современности или даже постсовременности; одним из недавних подтверждений тому стала рецензируемая здесь книга. Ее авторы, Бхасо Ндзэндзе и

Тшилидзи Марвала, работающие в Университете Йоханнесбурга (ЮАР), пытаются понять, каким образом разворачивающееся у нас на глазах пришествие искусственного интеллекта (ИИ) скажется на теории и практике международных отношений. В качестве объектов анализа они выбирают разноуровневые теории, описывающие международную динамику, среди которых либерализм, реализм, конструктивизм, а также постколониальные, феминистские, «зеленые» теории.

В книге десять глав, в семи из которых разбираются взаимосвязи между ИИ и конкретной теорией (или группой теорий). Первые три являются, по сути, вводными, хотя каждая глава из этой тройки «вводит в тему» по-разному. Во вступительной главе-введении авторы представляют обстоятельный обзор литературы, которая начиная с середины XX века ориентировалась по большей части на эмпирические случаи соприкосновения международных отношений и ИИ. Среди последних, например, сравнительный анализ эффективности подводных лодок времен Второй мировой войны и летательных аппаратов-беспилотников наших дней, итоги применения ИИ в борьбе с наркоторговлей, а также другие столь же любопытные истории. В целом авторы возлагают на ИИ немалые надежды, с самого начала заявляя, что он «может стать одной из разработок, которые радикально изменят мир» (р. 8). Однако, предупреждают они, всестороннее и полноценное привлечение ненатурального разума в сферу взаимоотношений между народами станет возможным лишь после того, как нынешняя теория международных отношений очистится от своего западничества (если не сказать расизма): не решив предварительно проблему инклюзии, вовлекать ИИ в международные отношения попросту опасно.

Что же касается следующей главы («Теория в международных отношениях»), то,

обозревая книгу в короткой рецензии, ее, наверное, уместно пропустить, так как она, во-первых, почти не упоминает об ИИ, а во-вторых, лишь резюмирует ранее накопленные знания, касающиеся международных отношений и их концептуального инструментария. Фактически, эта глава принадлежит к категории ритуальных разделов, без которых не может обойтись ни одна научная монография: новизны почти никакой, но без повторения пройденного дальше идти не принято. Впрочем, изучая трансформации, иногда полезно напомнить себе, как все выглядело до их начала.

Гораздо интереснее третья глава вводной части («Искусственный интеллект и международные отношения»). Здесь внимание авторов сосредоточено в основном на Китае как на одном из пионеров продвижения ИИ. Утверждение новой технологии в стране происходило нелегко, поскольку политика не только вмешивалась в этот процесс, но и временами тормозила его. Тем не менее сегодня китайское руководство принимает ИИ в качестве незаменимого средства, позволяющего всесторонне наращивать потенциал страны. Причем вопреки расхожим мнениям Китай отнюдь не является азиатским монополистом в применении ИИ:

«Даже в таких странах, как Пакистан или Йемен, компьютеры уже принимают решения о жизни и смерти. Большие объемы данных радиоэлектронной разведки обрабатываются здесь посредством алгоритмов, самостоятельно решающих, где есть угроза, а где ее нет. Для населения, над головой которого постоянно летают беспилотники, подобные решения могут быть фатально опасными» (р. 49).

Выстраивая своеобразную иерархию зон, в которых закрепился ИИ, авторы обозначают вполне ожидаемых флагманов в лице КНР, США и Европейского союза, а также наступающий им на пятки второй эшелон, включающий Великобританию, Индию,

Канаду, Сингапур, Южную Корею, Японию. Любопытно, что для России, упоминаемой в тексте довольно часто, места этих списках они не находят.

Последующая часть книги посвящена комбинациям ИИ с конкретными теориями международных отношений. Начинать тут – «по старшинству» – приходится с реализма, что авторы и делают в четвертой главе («Реализм и искусственный интеллект»). Касаясь прозрений одного из основоположников этой школы, южноафриканские ученые делятся следующим наблюдением:

«Если продолжить логику Томаса Гоббса, то следует признать, что современные рациональные машины, оснащенные искусственным интеллектом, способны принимать решения более эффективно, чем люди» (р. 56).

В дискурсивном пространстве реализма появление ИИ провоцирует целый ряд вопросов: насколько обсуждаемое новшество изменит международную систему и как лидеры государств будут реагировать на эти изменения; какие рычаги государственного влияния на международные отношения укрепятся после внедрения ИИ; усилит или ослабит ИИ могущество государств, которые доминируют на международной арене сегодня?

С одной стороны, на сегодняшний день некоторые акторы, включая Китай, Россию и США, готовы рассматривать ИИ как инструмент получения геостратегических преимуществ и укрепления безопасности, официально признавая эти его роли в своих дипломатических и оборонных доктринах. С другой стороны, политики и эксперты нередко трактуют ИИ как угрозу «среднего уровня», достаточно серьезную, чтобы дать одним приоритет, но недостаточно мощную, чтобы сулить другим уничтожение. Несмотря на несомненную дискуссионность темы, в некоторых ее аспектах отмечается выработанное единодушие. Так, по мнению

авторов, никто сейчас не спорит с тем, что ИИ уже превратился в один из инструментов поддержания международного баланса сил – наравне с военным потенциалом: «Подобно ядерным ударам, информационная война способна наносить удары как по гражданским, так и по военным ключевым точкам» (р. 69).

В целом же в книге выделяются три ключевые сферы, где ИИ с большой вероятностью сможет скорректировать теорию реализма: во-первых, он уже стал частью уравнения, поддерживающего глобальный баланс сил; во-вторых, он превратился в фактор, ощутимо меняющий формы ведения войны; в-третьих, доступ к нему, получаемый средними и мелкими акторами, вынуждает реалистов отказаться от традиционного приписывания значимости только крупным государствам. У нас на глазах ИИ становится все более доступным, а это выводит на международную арену тех, кто раньше не имел на ней голоса. Если обозначенные в книге линии влияния ИИ на реализм продолжают углубляться, то это станет, пожалуй, самым серьезным вызовом для теории с момента ее появления. Ведь, оглядываясь на прошлое науки, занимающейся международными отношениями, нельзя не заметить, что реализм и наследующий ему неореализм весьма долго отличались устойчивостью к любым внешним перипетиям.

Пришествие ИИ модифицирует и другие теоретические подходы к миросистеме – в частности, либерализм с его убежденностью в том, что цементирование экономической взаимозависимости между народами окончательно и бесповоротно установит мир на земле. Обращаясь к либеральной трактовке международных отношений в пятой главе («Либерализм и искусственный интеллект»), авторы почти сразу же сталкиваются с парадоксом: с одной стороны, действительно, продвижение ИИ все ощутимее упрочивает экономическую

взаимозависимость акторов мировой политики, но, с другой стороны, этот факт никак не сказывается на умиротворении планеты. Более того, подъем ИИ совпал с сокращением числа либеральных демократий, и это заставляет южноафриканских ученых предположить, что «демократия и искусственный интеллект, по-видимому, отрицательно коррелируют друг с другом» (р. 76).

Стремясь защитить собственный ИИ, передовые государства «закрывают» свои демократии как от других режимов (включая и другие демократии), так и от негосударственных акторов. Как следствие, демократический тонус планеты в последние десятилетия неуклонно понижается, поскольку модели народовластия отступают под натиском «авторитаризма, основанного на технологиях». Опираясь на представленный в книге материал, можно предположить, что удар, наносимый ИИ по современным неолиберальным демократиям, окажется довольно ощутимым – но вот насколько новые явления будут фатальными для ключевых принципов либерализма как идеологии? По-видимому, ответ на этот вопрос может дать только время. С экономическими аспектами взаимозависимости, переживающей вторжение ИИ, дело тоже обстоит не слишком благостно: во-первых, экспансия новых технологий ведет к потере рабочих мест, а во-вторых, подобные разработки все чаще применяются на благо войны, а не мира.

Именно на последнем из упомянутых аспектов сосредоточена следующая, шестая, глава («Теория гегемонистской стабильности и искусственный интеллект»). Парадигма гегемонистской стабильности исходит из того, что в системе международных отношений должен наличествовать мощный лидер-гегемон, принуждающий всех остальных к мирному сосуществованию, а наиболее сильные акторы борются между собой за монополию на такое лидер-

ство. В настоящее время главными антагонистами выступают США и КНР, причем «роботы, которые будут быстрее, сильнее и точнее, определят, кто выйдет победителем» (р. 93). Политическая конфронтация подкрепляется экономической, и в комплексе это заставляет конкурентов задумываться о перспективах возможной когда-то в будущем войны. Именно в этой связи Пентагон в 2020 году представил проект пяти этических принципов использования ИИ в военное время. Среди них: а) артикуляция ответственности человека; б) гарантии беспристрастности ИИ; в) обеспечение глубокого и широкого понимания принципов работы ИИ; г) гарантии надежности и функциональности систем ИИ; д) минимизация непреднамеренного вреда в процессе управления ИИ человеком. Мы пока не знаем, послужит ли этот или какой-то похожий свод правил основой для очередной Женевской конвенции, но уже сейчас ясно, что тема будет становиться все более и более актуальной.

В седьмой главе («Зависимость и технология в четвертую промышленную революцию») авторы возвращаются к теме интегрированности ИИ в современную экономическую жизнь: они показывают, как начало нового этапа промышленной революции, разворачивающегося сегодня, сказывается на расстановке геополитических сил и на мировом экономическом неравенстве. Тот факт, что доступ к технологиям, включая ИИ, становится особым активом, за который государства все острее конкурируют между собой, вполне вписывается в построения международников-реалистов, для которых ИИ давно превратился в составляющую властных уравнений. Вместе с тем у реалистов появляются и новые оппоненты, к числу которых книга относит, в частности, так называемую английскую школу международных отношений.

Это направление генерирует оригинальный подход к использованию ИИ в перспек-

тиве мирного сосуществования народов, о чем речь идет в восьмой главе («Английская школа и искусственный интеллект»). Авторские надежды, возлагаемые на английскую школу, обусловлены тем, что ее построения свободны от «американоцентризма» и сопутствующих ему недостатков. Во многом именно из-за этого она продвигает идеи инклюзии всех участников рынка ИИ и отстаивает формирование всемирного сообщества разработчиков ИИ. Последнее исключительно важно: ведь если технологии, как заявляют авторы, сейчас представляют собой своего рода «ядерное оружие» (р. 137), то и обращаться с ними надо соответственно – обставляя их использование специальными режимами, ограничивающими использование ИИ набором международных договоренностей и мониторингом их соблюдения.

Девятая глава («Критические теории международных отношений и искусственный интеллект») имеет дело с целым спектром теорий, которые принято называть критическими и которым авторы без утайки симпатизируют: среди них, в частности, постколониализм, феминизм, экологизм.

«Все эти теории достаточно точно предсказывают способы и пути, с помощью которых будет функционировать завтрашняя власть, в том числе в эпоху ИИ. Важно отметить, что новая эра только начинается, а упомянутые теории наиболее эффективно объясняют [...] новые пути распространения власти» (р. 154).

Каждая из концепций смотрит на ИИ под своим углом зрения. Так, «зеленая» теория изучает его воздействие на окружающую среду; феминизм усматривает в нем очередное проявление мужского доминирования; постколониальные исследования обращают внимание на встроенную в него языковую гегемонию. Похоже, что авторское тяготение к критическим теориям, как и к английской школе, объясняется не только содержательной частью последних,

но и довольно популярным сейчас общим неприятием «американоцентризма» в международных отношениях, которое в книге проявляется то здесь, то там на протяжении всего текста. Как полагают южноафриканские специалисты, именно критическим теориям, а также политическому реализму предстоит в наибольшей мере преобразоваться под давлением ИИ.

Завершая свою работу, авторы книги делятся интересным наблюдением относительно преподавания международных отношений:

«Многим событиям, включенным в нынешние образовательные программы по международным отношениям, десятки и даже сотни лет. Это делает их слишком абстрактными для многих наших студентов. Ведь для некоторых даже война во Вьетнаме кажется такой же архаикой, как Вторая мировая война. Но искусственный интеллект открывает возможность для иммерсивного обучения, основанного на экспериментах. Разработки в области виртуальной и дополненной реальности вполне применимы

в образовательных сферах: моделируя те или иные исторические события, студенты смогут принимать на себя роли конкретных акторов – дипломатов и политиков, а также использовать искусственный интеллект для теоретического моделирования будущих событий» (р. 161).

С подобными прогнозами трудно спорить. Как и любое новшество, ИИ вызывает повсеместное возбуждение. Уже сегодня мы наблюдаем, как он становится неотъемлемой частью жизни – и даже меняет ее, несмотря на то, что человечество пока не до конца понимает все обусловленные им блага и опасности. И тем важнее одна из немногочисленных пока книг, посвященных оценкам чарующих и пугающих перспектив вхождения ИИ в важнейшую область социальной жизни – в международную политику и дипломатию.

Юлия Фролова, доцент кафедры политологии РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)